

Учредитель и издатель

Иркутский государственный
лингвистический университет

Главный редактор

Александр Михайлович Каплуненко,
доктор филологических наук, профессор

Зам. главного редактора

Светлана Алексеевна Хахалова,
доктор филологических наук, профессор

Редакционная коллегия

Григорий Дмитриевич Воскобойник,
доктор филологических наук, профессор

Виктор Алексеевич Виноградов,
доктор филологических наук, профессор, член
корр. РАН

Николай Петрович Антипов,
доктор филологических наук, профессор

Олег Маркович Готлиб,
кандидат филологических наук, доцент

Валерий Петрович Даниленко,
доктор филологических наук, профессор

Владимир Ильич Карасик,
доктор филологических наук, профессор

Лия Матвеевна Ковалева,
доктор филологических наук, профессор

Галина Максимовна Костюшкина,
доктор филологических наук, профессор

Юрий Алексеевич Ладыгин,
доктор филологических наук, профессор

Юрий Марцельевич Малинович,
доктор филологических наук, профессор

Вера Брониславовна Меркурьева,
доктор филологических наук, доцент

Светлана Николаевна Плотникова,
доктор филологических наук, профессор

Евгения Федоровна Серебренникова,
доктор филологических наук, профессор

Зав. РИО

Светлана Григорьевна Тарасова

Верстка и дизайн

Елена Васильевна Орлова

Адрес редакции

664025, г. Иркутск, ул. Ленина, 8, к. 522
e-mail: rio@slu.irk.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. КОММУНИКАЦИЯ

Е.Ф. Серебренникова

**СТРАННЫЙ : СЕМИОМЕТРИЯ
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ
РЕЛЕВАНТНОСТИ ДРЕВНЕГО СЛОВА
И ЭЛЕМЕНТОВ ЕГО ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ
В СРАВНИТЕЛЬНОМ АНАЛИЗЕ..... 4**

А.Н. Баилыкова

**ИЗДАТЕЛЬСКИЙ КАТАЛОГ
КАК ДИСКУРСИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ 10**

Н.Г. Васина

**О РОЛИ ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕН
В ОРГАНИЗАЦИИ ТАКСИСНОЙ СЕМАНТИКИ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ..... 16**

Даниленко А.В.

**СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ НАКАЗАНИЯ
КАК ЭЛЕМЕНТЫ ОЦЕНОЧНОЙ СТРУКТУРЫ
КОНЦЕПТА *PEINE* В РОМАНЕ А. КАМЮ
«ПОСТОРОННИЙ» 24**

О.Н. Зайцева

**КОНЦЕПЦИЯ БОЖЕСТВЕННОГО
В ТВОРЧЕСТВЕ ИВАНА ЖДАНОВА..... 27**

А. В. Казорина

**АВТОРСКОЕ СОЗНАНИЕ И ЕГО РОЛЬ
В ПОСТРОЕНИИ ВНУТРЕННЕГО МИРА
МАСТЕРА В РОМАНЕ М. БУЛГАКОВА
«МАСТЕР И МАРГАРИТА» 33**

И.В. Камнева

**АДВЕРБИАЛЬНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ *QUAND*
MÉME КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ
СУБЪЕКТНОСТИ В ВЫСКАЗЫВАНИИ 37**

И.И. Мезенцева

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
ПОСЕССИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ 42

Т.А. Пруцких

ЗВУКОВАЯ ФОРМА ПЕЙОРАТИВНЫХ
МЕЖДОМЕТИЙ..... 48

С.Г. Рябова

СЛОВО, ТВОРЯЩЕЕ МИР.
ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ЦВЕТА, ВОЗДУХА,
ПЕРСПЕКТИВЫ В РОМАНЕ
«ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА» 52

М.В. Стехина

СТРУКТУРА ПРОСОДЕМНОГО
ПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННОМ
ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ..... 60

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ПОЗНАНИЯ

Ю.Д. Бадмаева

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НЕКОТОРЫХ
МОНГОЛЬСКИХ СЛОВ-РЕАЛИЙ
НА РУССКИЙ ЯЗЫК..... 70

Ю.В. Бутько

НОВЫЕ ПАРЕМИИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ
ЛИНГВОКРЕАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ 75

В. В. Гурин

КАТЕГОРИЯ «ВОЛЯ» В СОВРЕМЕННОМ
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ:
СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ 80

Р. П. Иванова

К ПРОБЛЕМЕ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ
ВЫРАЖЕНИЯ ОЩУЩЕНИЙ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ:
ГЛАГОЛ *FEEL*..... 87

Н.А. Корепина

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЙ
КАТЕГОРИИ САМОСТИ В СОВРЕМЕННОМ
РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ 92

Т.В. Кравец

КАТЕГОРИЯ «ПРОЩАНИЕ» КАК ФЕНОМЕН
ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА 98

И. А. Шастина

ЗНАЧЕНИЕ ЭТНОНИМА КАК РЕЗУЛЬТАТ
ОПЕРАЦИИ НАД ЗНАНИЯМИ 104

ЛИНГВИСТИКА ДИСКУРСА

В.И. Карасик

РУТИННОЕ И КРЕАТИВНОЕ ОБЩЕНИЕ:
ФУНКЦИИ, ТИПЫ, СПОСОБЫ..... 112

В.П. Даниленко

ТРИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ДИСКУРСА
В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ 118

А.Н. Войткова

К ПРОБЛЕМЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ИНВЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКИ ДЛЯ СОЗДАНИЯ
КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА 125

А.Н. Дербенева

ВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА
ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ
АГРЕССИИ В ЭТНИЧЕСКИХ АНЕКДОТАХ
И ШУТКАХ..... 132

И.Н. Зырянова

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ
ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ МАСКУЛИННОЙ
И ФЕМИННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
В ТЕКСТАХ БРАЧНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЙ..... 137

Т.А. Сытникова

СУЩНОСТЬ И СПЕЦИФИКА
КОМПЬЮТЕРНОГО ДИСКУРСА
КАК ОБЪЕКТА ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ..... 142

О.В. Финогенко

ТЕКСТОВЫЕ ФУНКЦИИ АВТОРСКОГО
ВСТУПЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКИХ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ XII ВЕКА) 149

Д. В. Хохлов

РЕАЛИЗАЦИЯ ЛИНГВОИДЕОЛОГИЧЕСКОГО
КОНЦЕПТА *VOLK* В НЕМЕЦКОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XX ВЕКА 152

А.А. Шереметьева

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ТОРГОВОЙ
МАРКИ В НЕМЕЦКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ 158

Е.В. Шляхтина

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЙ
«ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ»,
«КОММЕРЧЕСКАЯ КОРРЕКТНОСТЬ»,
«КОММУНИКАТИВНАЯ КОРРЕКТНОСТЬ» 162

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ..... 168

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 171

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 173

ЯЗЫК
КУЛЬТУРА
КОММУНИКАЦИЯ

Е.Ф. Серебренникова

СТРАННЫЙ : СЕМИОМЕТРИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЛЕВАНТНОСТИ ДРЕВНЕГО СЛОВА И ЭЛЕМЕНТОВ ЕГО ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ В СРАВНИТЕЛЬНОМ АНАЛИЗЕ

The article deals with the ethnocultural semantics of the Russian word «странный» and its equivalents in Italian and French. All of them are considered as the words having common protoforms and expressing important aspects of human cognition. A comparative analysis is based on semiometria as a method of axiological linguistics. The result of the analysis has shown that the Russian word «странный» has stronger cultural value, which is explained by the peculiarities of Russian mentality.

В индоевропеистике и сравнительно-сопоставительном языкознании хорошо известен факт наличия родственных слов, берущих начало от возможных, реконструируемых индоевропейских корней и входящих в исконный лексический фонд сравниваемых языков. К ним относятся прежде всего числительные, местоимения и имена родственных связей. Данный факт формулируется в основном в рамках аргументации генетической родственности языков с точки зрения их классификации как принадлежащих к одной языковой семье. В то же время, если исследовательская задача не ограничивается только классификационно-генетическим параметром, то вполне логично возникают проблемы, связанные с попыткой определения характеристик языкового существования во времени и пространстве признаваемых родственными лексических элементов внутри конкретной культуры, то есть семиометрии их лингвокультурологической релевантности. В частности, встает вопрос о том, насколько и каким образом «древние» слова вбирают в себя порождаемые в обществе, национальной культуре смыслы, отражая тем самым не только лексиккультуру данного народа, но и особенности разных языковых ценностных картин мира, имея в виду фундаментальное положение о том, что всякий акт

семиозиса, выражаемый в номинации, имеет оценочный характер. Оценивание при этом рассматривается как вписывание, введение в уже имеющийся опыт того, что в актуальных условиях речи воспринимается и осмысливается, в целях порождения своего собственно, «нового» знания, смысла высказывания.

В такого рода перспективе сравнительного анализа обращает на себя внимание факт широкого употребления в современных «индоевропейских» языках – русском, английском, французском, итальянском – отдельных лексем и конструкций родственного по происхождению плана, в частности, со значением «странный»:

- Strange (ing) < lat. 'extraneus' (stranger, stranger particle) (WD:1511);
- Strano (it.) < lat. 'extraneus' (stranito, straniare, straniero, straordinarieta; straordinario) (ZM:1051);
- Etrange (fr.) < lat. 'extraneus' (étrangement, étranger, étrangeté) (MR:400);
- Странный (русс.) < старослав. 'страна', 'сторона' (ФЭС: 364); < «страна» – чужая страна, народ (ШЭС:321); < «страна» – местность, территория, пространство (ОСР: 1011).

Выделению данных слов в одну древнюю родственную группу способствует ряд черт:

- Наличие древнего корня «с-тр»/«s-tr»; возведение этимологии итальянской, французской, английской лексемы к древнему латинскому языку и русской лексемы к древнему старославянскому языку дает в принципе возможность возведения этимона к еще более древнему состоянию их языковой общности.
- Близкая, схожая семантика, мотивированная древним корнем < [extra, стр], и сходный морфологический состав элементов деривационной семьи слов.
- Фонетическая реализация как квазиомофонов (ср., например, наиболее яркий в этом отношении пример произношения русского *странно* и итальянского *strano*).

Допуская семантическую дифференциацию уже на уровне древнейших протоформ, послуживших этимонами для слов соответствующих европейских языков, обратим особое внимание на более позднее состояние данных лексем, восходящих, надо полагать, к общим гипотетическим протоформам.

Так, во французском языке, по данным этимологического словаря, *étrange* 1050, Alexis (estr-) > lat. 'extraneus', 'du dehors, qui n'est pas de la famille, du pays', dès le XII s., « bizarre ». *Etranger* adj., v.1350, a remplacé *étrange* dans son premier sens (DE :274). Идея движения «во вне, извне», особенно явная в семантике интерпретирующего предложного выражения «*du dehors*», здесь присутствует, но доминирует сам признак экстерииорности, внеположенности по отношению к внутри находящемуся наблюдателю, что маркируется словообразующим латинским корнем «extra-».

Соответствующее русское слово «странный» в его языковом существовании и последующих модификациях также показывает непрерывную связь с изначальной смысловой доминантой, которая определяется «внутренней формой» исходного слова «страна» в смысле про-стирания, про-странства, про-стирающейся территории, которую обходят, по которой идут и которое синкретично связано со спектром значений, маркируемых компонентой «необычный»¹. Здесь значение «вне» также присутствует в соотношении вне-внутри, но большую роль играет сама идея движения.

Выделим прежде всего ядерное слово сравнительного анализа. Прилагательное *étrange/странный* принимается за ядро сравнения потому, во-первых, что оно является самым «примитивным» словом, то есть словом, состоящим из корня и первичного суффикса -ьн- (ШЭС:321), без включения альтернативных или деривативных суффиксов; во-вторых, потому, что по своей категориальной принадлежности оно наиболее соответствует именуемому представлению как феноменологическому признаку, а не самой сущности;

¹ Исходные для «странного» слова *страна*, *сторона* – (стрети) явно говорит о каком-то простирании на плоскости (ср.: страница). Выявляя исходные значения слова «странный», В. Даль отмечает: «Станный распадается на два понятия: о чужбине и о чудном, необычайном. Старинное – цель, мета, мишень, также – страдать, хворать» (ДТЛ:299). Особенностью семантики русского слова «странный» является, таким образом, мозаичность компонентов, соположенность ассоциативных представлений о стране, простирании, пространстве, родственности внутри страны и непохожести извне входящих – сторонних, необычном состоянии как хвори, страдании. Если слово «пространство» уже получило статус одного из «ключевых» слов русской культуры, то близкие, однокорневые ему слова также логично рассматривать с точки зрения их особой культурологической маркированности.

в-третьих, именно в семантике прилагательных как элементов выделяемой древней индоевропейской группы слов на фоне других ее составляющих обнаруживается наибольшее сходство в плане содержания, как показывает предварительный анализ словарного значения данной семьи слов в толковых словарях².

При этом, согласно принципу статистической рекуррентности и сравнению словарных дефиниций, интенционал его получает выражение в отрицательной семантике от понятия «нормальный», которое раскрывается в следующих ядерных семах: «непривычный» angl.[unusuel], fr.[inabituel], it. [diverso dal normale, bizzarro]; «незнакомый, непонятный», angl.[unfamiliar], it. [strambo], fr. [indéfinissable, incompréhensible]; «неординарный», angl. [inordinary], fr.[extraordinaire, singulier], it. [stravagante]; «необычный» angl.[unaccustomed], fr. [inaccoutumé], it. [diverso dal consuetudo].

Семантика прилагательного «странный» и сравниваемых аналогов, означивая понятийное поле «нормальное» в отрицательном плане, способна и призвана покрывать более широкую когерентную ассоциативную понятийную область в параметрах от *а-нормального* (возможно, *пара-нормального*) до *не-нормального*, осмысление которой в целом явно будет обусловлено стереотипами восприятия и осмысления того, что считается нормальным, аномальным или ненормальным в разных языковых, культурных сознаниях. Уже исходя из словарных дефиниций, можно установить, во-первых, основные критерии оценивания чего-либо как «странного». К такого рода критериям, обнаруживаемым во всех сравниваемых языках, относится соответствие феномена:

- принятым обычаям и традициям;
- привычкам и установлениям;
- внешнему виду и поведению;
- способу формулирования мысли, идеи;
- легкости или трудности восприятия чего-либо и его понимания;
- способности привлечь внимание, вызвать любопытство своей не-банальностью;
- естественному положению дел.

² Данная позиция прилагательного как доминанты внутри его словарной семьи и в целом лексического поля «странного» является, очевидно, характерной для рассматриваемых европейских языков (Гетманов, 2006 : 35-37).

Само оценивание чего-либо как «странного» в обыденном сознании происходит на основе «здравого смысла».

Отметим как отличительную особенность русского языка критерий квалификации чего-либо *странным* по источнику его порождения причиной «не от мира сего», фантастического, чудесного характера, что проверяется метонимической конструкцией, например: *Он спасся каким-то странным, то есть фантастическим, то есть чудесным образом.*

Второе заключение по данным словарных дефиниций касается возможности установления тех эффектов, которые порождает феноменология странного в данной культуре. Если ядерным для всех сравниваемых языков здесь будет триада эффектов, точно выведенная, в частности, итальянским словарем Lo Zingarelli minore в виде «*stupore, turbamento, sospetto*», то к ним следует добавить также эффекты «удовлетворения любопытства» (ср. синонимы: забавный, любопытный, *sigieux, drôle; bizzaro*), **неприятие, осуждение в описании** чего-либо уже пережитого, воспринятого (*Il nous a étranagement traité- более естественным, приемлемым и позитивным является ожидание того, что с тобой обойдутся нормально, а не странно*), в некоторых случаях можно говорить об эффекте восхищения «незаурядным», оригинальным, фантастическим, парадоксальным, гротескным, причудливым.

На фоне концептуально общего и типичного, что проявляется при сравнительном анализе ядерного прилагательного, а именно отражения в его значении восприятия и оценивания феномена «странного» через отрицательную соотнесенность с понятием «нормального», наиболее релевантным в культурологическом плане будет установление тех формальных элементов означивания «странного», которые, оставаясь в этом поле, будут нести в себе коннотацию «нормального», принятого в данной культуре, представляющего некоторый образ жизни в данной культуре. Такие элементы устанавливаются прежде всего на уровне так называемых «лакун». Очевидно, что такого рода лингвистические эндемики могут быть обнаружены при более широком анализе формальной парадигмы «странного» при учете «внутренней формы слова» в этимологическом анализе исходных форм.

Обратимся к формальной представленности парадигмы «странный» во французском и русском языках, принимаемых в качестве репрезентативных для более детального сравнительного анализа. Итак, во французском языке феномен «странный» осмысливается, оценивается и означает как :

- прилагательное, означающее признак как способ проявления некой сущности - *étrange* и его производное *étranger*;
- нарицательное имя существительное для именованного лица по одному «точечному» (почти терминологическому) признаку его непринадлежности к семье, населению, жителям родной страны – *étranger, n*; которое затем расширяет семантику и получает значение имени коллективного для обозначения «врага» (XVII в.) или совокупности зарубежных стран;
- имя абстрактное, адъективное по способу порождения, для обозначения феномена, характера, приписываемого сущности – *l'étrangeté, l'étrange*;
- наречие для обозначения способа функционирования сущности - *étrangement*;
- устойчивые обороты речи: «*corps étranger, une chose non naturelle dans l'organisme*»; «à l'étranger, à l'extérieur de son pays».

В русском языке парадигма представлена следующими элементами:

- 1) «примитивные» прилагательные *странный, странний*, отглагольные прилагательные, а также их дериваты: *странствующий, странноприимный (дом), иностранный*;
- 2) существительные:
 - именованного лица: *странник, иностранец*;
 - абстрактное существительное *странность*; при этом абстрактное существительное «странность» может употребляться во множественном лице, приобретая возможность обозначать не только общий характер сущности как необычной, но и феномен странности в его возможных проявлениях: в поступках, привычках, взглядах: *За ним водятся странности* (Ожегов, 1011).
 - отглагольные процессуальные существительные: *странствие, странствование (путешествие)*;

- 3) глаголы: *странствовать, странничать*;
 4) наречие: *странно*;
 5) устойчивые сочетания: *странствующий рыцарь, странствующий богомолец, странноприимный дом*.

К ряду устойчивых сочетаний разговорной французской и русской речи с семантикой «странный» следует добавить также многочисленные идиоматические выражения странности как психологической ненормальности типа «он немножко того», «у него не все дома», «у него крыша поехала», «не от мира сего» // *il est toqué, un peu fou, cinglé, timbré ...*

Наблюдения при сопоставлении формального состава словарных семей «странный» в двух языках выявляют больший набор лексем, более развитую языковую феноменологию «странный», что, безусловно, свидетельствует о большей детализации, представленности данного феномена в процессах мироосмысления в русской языковой картине мира.

С точки зрения общих содержательных характеристик данных парадигм для словарной семьи французского языка характерно расширение значения по доминантной компоненте признака «вне», представленному в семантике прилагательного: вне нормы, вне границ семьи и страны, вне «родного», данного естественным природным путем, что, в принципе, соответствует исходному латинскому значению. В эту же логическую последовательность входит и развитие значения «врага» у лексемы «*étranger*». В целом, парадигма показывает, что признак и феномен «странный» во французском языке и культуре имеет скорее описательную, квалифицирующую феноменологию, которая выражается прилагательными наряду с адъективными существительными и означает в семиозисе ситуацию описания отстраненной на некоторую дистанцию и за пограничную черту «свой/чужой» сущности как странной: необычной, ненормальной, не адекватной, непонятной, неродной, не своей, чужой.

Для русского же языка свойственно, наряду с сохранением признаковой феноменологии, более функциональное освоение феномена, который означает как специальными знаками действия и деятельности – глаголами, так и отглагольными прилагательными и устойчивыми оборотами, что соответствует в

семиозисе означиванию ситуации жизненной вовлеченности носителя признака в некоторый вид деятельности.

На уровне сравнительного содержательного анализа следует выделить, во-первых, слова, которые идентичны или очень близки по значению в двух языках и, во-вторых, слова, которые проявляют явную специфику значения в одном из языков.

Наибольшую степень схожести проявляют ядерные для рассматриваемой парадигмы прилагательные, соответственно *странный* и *étrange*¹. Опираясь на данные словарей Le Nouveau Petit Robert, 1993 (NPR) и Словаря русского языка, 2004 (ОСР), покажем совпадение в целом семантических объемов французского и русского прилагательных в таблице 1:

Обращает на себя внимание многочисленность синонимов в обоих языках для обозначения различных аспектов странного вида и поведения при их восприятии и оценивании, а также их очевидную, хотя и нюансированную эквивалентность, проверяемую при переводе с французского на русский язык и обратно. Интересно то, что в русском языке превалируют прилагательные, в самой семантике которых формализуется осмысление *странный* по вектору отрицания *нормального*, как это показывает вышеприведенная таблица. Иначе говоря, интерпретация семантики часто как бы воспроизводит векторы осмысления странного: воспринимаемое и с трудом идентифицируемое нечто сначала вписывается в усвоенную шкалу привычных норм и затем определяется как не соответствующее данной норме: *ненормальное, аномальное, непонятное, непостижимое, нездешнее (нездешний), нетутошнее, незаурядное, невероятное, невиданное, неслыханное, нелепое, непривычное, необычайное, неадекватное, невразумительное*. Отметим также трудность интерпретации «странный» в русском языке через французские синонимы «странный», связанные с эффектом беспокойства и даже страха перед

¹ Существительные *иностранец* и *l'étranger* образуют тематически отдельное лексическое и, соответственно, концептуальное поле, относящееся к системе представлений о предметной сфере «иностранный», «иностранец», также отражающей совокупность устойчивых и вариативных стереотипов о «чужом».

Таблица 1

Словарные значения <i>étrange, странный</i>	Примеры употребления во французском языке	Эквивалентные примеры употребления в русском языке
• très différent de ce qu'on a l'habitude de voir, d'apprendre; incompréhensible qui étonne, surprend bizarre, curieux, drôle, extraordinaire, exceptionnel, singulier; inaccoutumé, inquiétant, insolite	<i>une étrange aventure, un sourir, un air étrange; une femme bien étrange= une drôle de femme</i>	<i>Необычное, необычайное, необыкновенное, незаурядное, забавное, невероятное, любопытное приключение; необычная улыбка; необычный, неадекватный, забавный, глупый, нелепый вид; странная, чудная какая-то женщина, забавная, непонятная, неадекватная.</i>
• indéfinissable	<i>C'est un étrange événement</i>	<i>Какое-то странное, аномальное, причудливое, непривычное, дикое, экстраординарное, экстравагантное, невиданное, неслыханное, нелепое, своеобразное, непостижимое, непонятное событие.</i>
• incompréhensible, qui étonne, surprend; original, hors du commun; épouvantable, extrême	<i>Une conduite étrange J'aperçois bien que l'amour est de nature étrange (Marot)</i>	<i>Какое-то странное, непонятное, своеобразное, слишком оригинальное, забавное, неадекватное, глупое, нелепое поведение; странная, непонятная, неадекватная, нелепая, витиеватая, причудливая речь.</i>

странным *inquiétant, épouvantable, extrême*. Во французском языке превалируют прилагательные, напрямую фиксирующие один из признаков феномена странного, без уточнения мыслительного движения возведения к нормативному стандарту. С другой стороны, французскому языку присуща очевидная интенсификация признака при оценивании странного: от нейтрального *indefinissable* до *bizarre, curieux, drôle, singulier, original, extraordinaire, exceptionnel*; от *inaccoutumé* до *inquiétant, insolite, épouvantable, extrême*.

Отмечая сходность семантического объема сравниваемых прилагательных, выделим черту, которая свойственна признаковой семантике *странного* в русском языке. В русском языке выделяются контексты, в которых прилагательное *странный* может получать, наряду с более общей интерпретацией «необычный» также и развивающие ее, интенсифицирующие значения: «дикий», «чудной» (*не от мира сего*) и даже «чудесный»: *Ты сегодня чудной, странный какой-то; Чудно, странно все это. Ему удалось выжить каким-то чудесным, фантастическим, странным образом*. Налицо выход значений русского прилагательного в сферу неестественного, «чудного, нереального, неземного, чудесного, фантастического», не просто необычного, необъяснимого, но приписываемого напрямую

действию внешней исключительной силы – чуду.

Что касается французского прилагательного *étrange*, то его эволюция в истории французского языка свидетельствует о том, что оно наращивает значения, связанные скорее с интеллектуальным оцениванием характера сущности по параметрам несоответствия норме здравого смысла как того, что того, что не поддается рациональному объяснению, затемненному по содержанию и своеобразному по форме и поэтому забавному, оригинальному, единственному в своем роде и часто причиняющего беспокойство и даже страх.

Из сравнения видно, что признаковая феноменология «странного» в основном совпадает во французском и русском языках, покрывая концептуальные области проявления сущности в параметрах странного – того, что выходит за рамки привычного и общепринятого, противоречит здравому смыслу: **анормальное** (естественно соседствующее с нормальным, например: *Спрашивается - считать ли странной такую болезнь, как заячья губа (вполне аномальное явление?) – необычное – непонятное – незаурядное – невероятное – забавное – нестандартное – ненормальное*.

В целях нашего лингвокультурологического анализа целесообразно обратиться далее, как это было установлено выше, к выявлению

и анализу «лакун» – элементов соответствующих языковых семей, не имеющих прямых аналогов в одном из языков и выражающих специфические национально-культурные смыслы. Такого рода лакуны проще обнаруживаются в русском языке, обладающей большей языковой феноменологией «странного». В ней представлены, в частности, следующие единицы, обладающие признаками «лакуны»: *странний, странствующий, страннопримный, странник, странь, странствовать, странничать*. Данные слова образуют одну отдельную функционально ориентированную подгруппу в поле «странного», исходную от этимологического значения «страна», «сторона» как очерченного пространства, которое преодолевается, проходится, а не только воспринимается по признакам проявления ее как феномена в границах «свой-чужой» (свой – нормально, естественно, чужой – ненормально), при раскрытии «внешнего» через отмеченные выше семы признаковой феноменологии *необычный, непонятный, незаурядный, невероятный, своеобразный*. Специфический, национально-культурный смысл, характерный для элементов данной подгруппы, возникает синергетически из совмещения, смысловой синкретичности признака «странного» (со всем спектром его признаков) и «прохожего», «преодолевающего пространство», путника. Очевидно, что данное синергетическое значение порождается специфическими реалиями в жизни русского общества и культуры. Для раскрытия семантики слов-лакун обратимся к их словарным толкованиям, отмечая одновременно подчеркиванием те семы, которые не выделялись ранее в сравнительном французско-русском анализе:

- ***странний и странний*** (устар.) – *сторонний, посторонний*¹, *побочный*; *нездешний, неутрошный, чужой, захожий, иноземный* или из другого города, *семьи; прохожий,*

¹ Отметим, что слово *étranger* получило во французской культуре и обществе значительное коннотативное наращение благодаря его разработке в одноименном романе А. Камю в русле экзистенциализма на основе насыщенной и устойчивой семантики признака и феномена, отраженных в соответствующем прилагательном и существительном. По существу, интерпретация данного слова по данным романа осуществляется в параметре «сторонний», расширяя, таким образом, узусное словарное значение.

путник. Старосл.: «Странных пастухов принимают»; «Странные на монастырь собирают, греки, не то болгары. Они странние, здесь незнакомые, захожие» (ДТС: 299);

- ***странник*** – *странний, захожий, человек с чужбины, проезжий, прохожий, гость, ищущий временного приюта; обрекшийся на тунеядное странничество, под предложом богомолья; скиталец, бездомный проходимец, землепроход «У нас на селе странницы, по обету, в Соловки идут»* (ДТС:299); *Странники – скитальцы, бегуны* или *сопелковщина, изуверный толк беспоповщины, утверждающих видимое царение антихриста, почему всякое повиновение власти есть смертный грех и гибель вечная; должно поэтому жить и умереть странником, бродягой, вступать в странничество, пропадая без вести и быть зарытым тайно где-нибудь в лесу; толк этот делится на странников, вечных бродяг, и на жилых *страннопримцев, пристанодержателей*, у которых первые находят приют (Ibid)². Более современное издание словаря Ожегова С.И., 2004 г., толкует данное слово как устаревшее, однако присутствующее в коллективной, культурной памяти народа³: «Странник – человек, *странствующий пешком*, обычно на богомолье, со странническим посохом» (ОРС: 1011). Сравнение с французскими семантическими аналогами слова «странник» в приведенном значении (*pèlerin n,m; pèlerinage n,m*) показывает отсутствие связи данных французских слов с полем странного, что подтверждается их эквивалентностью русским словам «паломник, паломничество», более позднего и скорее всего заимствованного происхождения;*

² Религиозное движение возникло в Ярославской губернии в XVIII в. и не изжито полностью до сих пор (<http://www.russian-book.ru/text/325.htm>).

³ Об этом свидетельствует, в частности, активная «языковая игра» со словом «странник», используемым для названий различных изданий, изделий и мероприятий, как показывают интернет-ресурсы. Странником называется вездеход-снегоход, конгресс фантастов в России (Санкт-Петербург, 2007), журнал, сонник, радиопередача «Ночной странник», почтовый ящик Интернета, веб-мастерская, справочник стран мира, клуб путешественников, песня (всего упоминаний 1547 за 20.11.07 по данным поисковой системы rambler.ru).

- **странь** (об., уст.) – чужой, странный человек; чудак, нелюдим; шатун, негодяй; дикий, малоумный, дурак; чушь, дичь, чепуха, бессмыслица, вздор (ДТС: 299);
- **странствие** – путешествие пешком, обычно в одиночестве, без особых целей (ОРС: 1012);
- **странствовать** – жить, постоянно меняя место пребывания, путешествуя (Ibid).

Данные толкования позволяют сделать следующие наблюдения. Слова-лакуны в русском языке развивают в функциональном плане синкретичные древнейшие признаки: «захожий путник» (фиксируемый в слове «странный») и «чужой», чужеродный, необычный (фиксируемый в слове «странный»). Через слово «странный» толкуются все выделенные слова с национально-специфическими смыслами. В спектр национально-специфических смыслов «странности» попадают семы характеристики «странного» человека – «захожего с чужбины», усталого путника, «бесприютного скитальца», пришлого богомольца, гостя, которому надо найти/предоставить приют // бездомного проходимца; а также семы особого образа жизни: отшельничества, одиночества по религиозным причинам или по идейной, «абстрактной» причине землепроходца. На основе данных первичных сем наращиваются коннотативные значения «бренности всего земного», «добровольного или вынужденного одиночества», «независимости духа», совокупность которых имеет экзистенциальную, бытийную ценность.

Именно эти два параметра – относительно большая формальная языковая феноменология, ее большая функционально-действенная характеристика, а также наличие лакун – слов с явно этнокультурной спецификой семантики – дают основание считать, что феномен «странного» в русском языке обладает усиленной лингвокультурологической релевантностью, восходящей к ориентирам бытийного ценностного миропонимания.

Библиографический список

1. Dubois J., Mitterand H., Dauzat A. Dictionnaire étymologique. – P.: Larousse/VUEF, 2001. – 822 p. – DE
2. New Webster Dictionary of the English Language. – New Delhi by arrangement with Consolidated Book Publishers, USA, 1988. – 1824 p. – WD

3. Lo Zingarelli minore. Vocabolario della lingua italiana di Nocola Zingarelli. Edizione Terzo millennio. – Milano: Edizione Mondolibri S.p.A., 2006. – 1248 p. – ZM
4. Micro Robert : Dictionnaire du français primordial. – P. : S.N.L. – Le Robert, 1979. – 1207 p. – MR
5. Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / Texte remanié et amplifié sous la direction de Josette Rey – Debove et Alain Rey. – P. : Dictionnaires La Robert, 1993. – 2841 p. – NPR
6. Webster's New Dictionary of the English Language: London, 2001 – 1859 p. – WND
7. Германов, С.Н. Опыт построения лексико-семантического поля с доминантой «странный» [Текст] С.Н. Германов // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: материалы Междунар. науч. конф. (Белгород, 11-13 апреля 2006 г.). – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – Вып. 9. – Ч.2. – 404 с.
8. Даль, В.И. Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка: современное написание: ок. 1500 ил. [Текст] В.И. Даль. – М.: Астрель: АСО: Транзиткнига, 2005. – 348 с. – ДТС
9. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: Ок. 53000 слов [Текст] / С.И. Ожегов / под общ. ред. проф. Л.И.Скворцова. – 24-е изд., испр. – М.: ООО «Издательский дом Оникс 21 век»: ООО «Издательство Мир и образование, 2004. – 1200 с. – ОРС
10. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Текст] М. Фасмер: в 4 т. Т.3 (Муза-Сят) / пер. с нем. И доп. О.Н. Трубочева. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1987. – 832 с. – ФЭС
11. Шанский, Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка [Текст] Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская / под ред. С.Г.Бархударова. – М.: Госучпедгиз, 1961. – 402 с. – ШЭС

А.Н. Башлыкова

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ КАТАЛОГ КАК ДИСКУРСИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

The article is dedicated to the catalogue as a genre of the publisher's discourse. The catalogue is a reference point to the reading's perspective. The author studies the catalogue as a specific genre, being the collection of the texts of information and publicity that has a particular char-